

РАВНОДУШИЕ

ПЕРВЫЕ ПЛАКАТЫ РЕВОЛЮЦИИ

— Вот так оно и получи-лось, — закончил свой рас-сказ директор Харьковского института усовершенствования врачей Иван Иванович Овсянко. — Вы меня поняли?

Иван Иванович затнулся, выпустив добрую порцию дыма и снова похотел: — Руководство кафедрой он не мог обеспечить — это раз. А потом медицина — это ведь все-таки наука, тоже, знаете, нужно быть, как говорится, в курсе дела. А у него — ну, какая там наука? Бады? Тоже, можно сказать, не готовил...

Я вышел из кабинета с каким-то неприятным ощущением. Как же так? Нака-нуне беседы с директором я читал подписанный им отзыв о работе заведующего кафедрой хирургии профессора А. И. Мещанинова. Собственно, это не отзыв, а приветственный адрес, преподнесенный А. И. Мещанинову в день его 75-летия в 1954 году. Между прочим, там было напи-сано:

«...Вы являетесь пионером тканевой терапии, продолжая разрабатывать прак-тическое ее применение и по сей день. Вами написано более 80 работ по акту-альным вопросам хирургии. Все новое в хирургии со свойственным Вам пылом и настойчивостью Вы проводите в жизнь. Своей богатой клинической опыт Вы охот-но передаете молодому поколению хирур-гов. На Вашей кафедре прошли специали-зацию и усовершенствование сотни вра-чей».

И дальше — все в таких же выраже-ниях. Это было тогда. Теперь директор го-ворил о том же человеке, но совсем дру-гими словами: «не обеспечил... не гото-вил... не может...» Странно...

В конце дня трамвайные вагоны трет-ьего маршрута заполнены до отказа — он связывает город со знаменитой Холодной Горой, где живут преимущественно рабо-чие харьковских предприятий. Медленно поднимаемся в гору переполненный трам-вай, которому предстоит проделать долгий путь по городской окраине. Пассажиры стараются устроиться поудобнее, некото-рые читают, кто-то даже умулялся за-дремать.

Прогиснувшись к кондуктору, я называю номер дома — 152-й — и спрашиваю, где мне выходить. Кондуктор точно не знает. В разговор вмешиваются пасса-жиры: один советует выйти на четвертой остановке, другой — на пятой. Потом какая-то женщина спрашивает:

— А вам, часом, не Мещанинова дом нужен?

— Да, профессора Мещанинова.

— Что же вы сразу не сказали? — удивляется кондуктор.

— На третий вам выходить, — гово-рит пассажир, который раньше советовал выйти на пятой.

— Войдете во двор, потом налево, — добавляет женщина в платке. — Там и живет Александр Иванович.

— А правда, что Александр Иванович уже не работает? — спрашивает вдруг, обращаясь к соседке, пассажир, сидящий у окна.

И вот уже пошел общий разговор, в ко-тором участвует почти «весь вагон», — я ничуть не прувеличиваю. Можно было подумать, что все пассажиры — пациенты Мещанинова, только что испеленные им от недугов. Позже я убедился, что в этом огромном рабочем районе, пожалуй, нет более популярного человека, чем профессор Мещанинов, которого все здесь на-зывают просто по имени и отчеству.

Что это — хорошая слава врача? Да, конечно. О нем говорят: прекрасный хи-рург, чудесный диагност. Но это не только слава врача. Мало быть крупным специалистом своего дела, нужно, по-видимому, обладать какими-то особыми чело-веческими достоинствами, чтобы заслу-жить такую добрую славу.

В Харьковском историческом музее хра-нятся документы, письма, вырезки из

старых газет, расска-зывающие о подвиге профессора Мещани-нова в годы Великой Отечественной войны.

...Когда в 1941 году гитлеровские вой-ска ворвались в Харьков, холодногорская больница, которой руководил Мещанинов, напомнила военных госпиталей. Ярем, в доме профессора, родные упаковывали че-ловеки, с минуты на минуту ожидала при-езда машины, чтобы эвакуироваться, а в операционную приносили все новых и новых раненых.

— Ладно-ладно, еще одна операция, и я приду, — сказал Александр Иванович дочери, прибывшей за ним.

Стреляли где-то совсем близко. Потом стало тихо. Мещанинов заканчивал по-следнюю операцию.

— Немцы! — испуганно вскрикнула старшая операционная сестра.

Профессор успел ампутировать правую руку у совсем еще юного красноармейца, когда в операционную вошел немецкий офицер с тремя солдатами.

— Кто оперирует? — спросил он.

— «Шпиль», — поспешно ответил профессор и подумал, что с этой минуты для него начинается какая-то другая жизнь, в которой он перестал быть про-сто врачом.

Трудно подсчитать, сколько солдатских жизней спас Мещанинов в те черные дни. Трудно потому, что, едва став на ноги, эти люди надевали какую-нибудь граждан-скую одежду, получали в больнице до-кументы умерших и незаметно исчезали.

Вскоре больница осталась без продук-тов. Однажды на базаре появился пожилой человек в белом халате, надетом поверх пальто. Толкая перед собой тачку, он про-ходил меж базарных рядов и просил по-жертвовать что-нибудь для раненых. Этого человека сразу узнали — с 1919 года он руководил земской больницей, не раз избирался в районный и городской Совет.

Тачка быстро наполнилась продуктами. Молва, что профессор Мещанинов собирает продовольствие для раненых советских бой-цов, распространилась быстро. Она дошла до близлежащих сел. И уже через не-сколько дней в профессорский дом на-чали приходить холодногорские женщины и колхозницы из пригородов. Каждый при-носил с собой что мог: кто картошку, кто хлеб, кто свеклу. Так возник на Холодной Горе своеобразный «Красный Брест».

Неподатку от больницы — в тюрьме — томилась пленные советские воины. Ежедневно десятками они умирали там от голода и болезней. Мещанинову вместе с врачом К. Седовым удалось организовать госпиталь на несколько сот коек для военнопленных. И хотя профессор был предупрежден немцами комендантом о том, что будет нести ответственность за побег пленный, он делал все, чтобы вы-лечив, помочь им бежать.

За свою работу в годы Отечественной войны А. И. Мещанинов в 1945 году был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Эту страничку из жизни профессора Мещанинова я попытался воспроизвести с одной лишь целью — она в какой-то мере позволяет представить себе облик это-го человека.

Юбилей Н. Гудзия

Литературная общественность Киева и Москвы отметила семидесятилетие вид-ного советского ученого-литературоведа Николая Калининвича Гудзия. Секретариат правления Союза писателей СССР и пре-зидент правления Московского отделения Союза писателей направили юбиляру при-ветствие, в котором говорится о больших заслугах Н. Гудзия — автора многих ра-бот, посвященных древней русской лите-ратуре, творчеству Льва Толстого, Колчар-ского, Шевченко, — перед отечественной наукой и литературой.

Особо подчеркивается в приветствии мно-

го человека. Можно было бы рассказать и о другом. О том, на-пример, что, кроме двух родных до-дней десяти чужих детей. Или о том, что для Александра Ивановича сутки никогда не делились на день и ночь, когда речь шла о здоровье людей. В холодную зим-нюю ночь профессор готов был пешком пройти в любой конец города, чтобы ока-зать помощь больному. Нужно ли уди-вляться, что среди десятков поздравитель-ных адресов в кожаных, коленкорных и картонных переплетах, преподнесенных А. И. Мещанинову к юбилею, есть и та-кой адрес с кратким, но достаточно выраз-ительным текстом: «Лучшему из людей, врачу-бессребренку Александру Ивано-вичу Мещанинову в день 75-летия от лю-бящего населения Холодной Горы».

Читатель, вероятно, обратил внимание на то, что до сих пор много говорилось о Мещанинове-человеке и совсем мало — о Мещанинове-хирурге, ученом и педа-гоге. Так получилось потому, что в исто-рии с Мещаниновым нас главным образом и интересует, если можно так выразиться, человеческая сторона дела.

Ну, а о том, какой он специалист, до-статочно хорошо известно в медицинском мире. Более 80 работ, имеющих немалова-жное научное и практическое значение, сотни учеников — молодых врачей, про-шедших специализацию под его руковод-ством, — это звучит весьма убедительно. Не так давно имя Мещанинова упомина-лось в докладе советской делегации на XVI Международном конгрессе хирургов в Боннегагене. Его заслуги высоко оценя-ются крупнейшей хирургии страны. Дей-ствительный член Академии медицинских наук, заслуженный деятель наук РСФСР А. В. Мельников пишет, например: «Док-тор медицинских наук профессор А. И. Мещанинов является одним из выдающихся хирургов нашей Родины, пользующихся всеобщим авторитетом. Роль Мещани-нова в развитии советской хирургии очень велика, он автор многочисленных научных исследований. Нет сомнения, что Алек-сандр Иванович является первым хирур-гом Украины».

Так вот, о человеческой стороне дела. В прошлом году на должность, которую Мещанинов занимал не один десяток лет, на должность заведующего кафедрой хи-рургии Института усовершенствования врачей объявлен конкурс. Были пред-ставлены три кандидатуры, после чего конкурсная комиссия рекомендовала Учен-ному совету первым кандидатом профессо-ра М. М. Ляховича. Он и оказался из-бранным.

Еще несколько лет назад Александр Иванович Мещанинов удивлял всех своей не по возрасту кипучей деятельно-стью: одновременно работал главным вра-чом холодногорской больницы и заведу-ющим кафедрой в институте, был депутатом горсовета и почетным председателем об-ластного общества хирургов, успевая при этом читать публичные лекции, выступать на научных конференциях и съездах, возглав-

лять государственную экза-мационную комиссию в ме-дицинском институте. В последнее время профессор оставил все другие за-нятия, чтобы больше внимания уделять кафедре, — это все-таки была основная и любимая работа. А теперь и она ушла от не-го.

Ну, что ж, мы понимаем, что такое все равно должно было случиться, если не сей-час, то несколько позже: в хирургии, как известно, старость приходит гораздо рань-ше, чем скажем, в терапевтике или невро-патологии. И вполне вероятно, что сравнитель-но молодой профессор М. М. Ляхович, работавший в свое время под началом Мещанинова, в самом деле сможет руководить кафедрой более успешно. Все это, по-види-мому, так. Но вот закончился конкурс, из-дан приказ. А малыше?

Дальше произошло нечто совершенно не-ожиданное. Александр Иванович почувство-вал вдруг, что вокруг него образовалась ка-кая-то «торопчилина пустота». Выгляде-ло это так, словно он вышел из института и за ним тут же плотно захлопнулись двери. Сначала он надеялся и терпеливо ждал, — может быть, кто-нибудь придет за ним из института, может быть, позвонят по телефону, предложат какую-нибудь работу, попросят принять участие в каком-нибудь деле, — ведь за многие десятилетия он сроч-ился с институтом, жил интересами кол-лектива. Ну хорошо, его освободили от за-ведования кафедрой, но разве дело в долж-ности? Разве его присутствие среди молодых специалистов само по себе не при-несло бы им пользу? Да нужно ли доказы-вать, что ученый, профессор, врач-общес-твенник, более полувека своей жизни отда-вший борьбе за здоровье людей, мог бы еще очень и очень многому научить молодых специалистов?

Однако в институте об этом почему-то никто не подумал. Там не только не по-беспокоились о том, чтобы удержать Мещанинова, оставить его, скажем, консультан-том или подыскать другую должность, но только не заинтересовались его судьбой после того, как он оказался вне коллектива, но вообще поступили по отношению к нему недостоинно, оскорбительно. Оказы-вается, с профессором, проработавшим в коллективе свыше 30 лет и воспитавшим не одно поколение врачей, даже не по-прощались по-человечески, не поблагода-рили его, не проводили так, как провозжат у нас обычно всех ветеранов труда, неэва-нуировали их положения и профессии. Ста-рый труженик, заслуженный врач оказа-лся вдруг забытым и ненужным. Забы-тым — через день после того, как состоя-лся конкурс.

Все это не укладывается в сознании. Труд человека, его заслуги перед народом никогда и нигде не ценятся так высоко, как ценятся сейчас в нашей стране. Тем более холодными и равнодушными людьми выглядят те руководители института, кото-рые, вычеркнув профессора Мещанинова из списков сотрудников, как бы «испали» его в архив.

Мне рассказывали, что несколько лет назад, во время чествования Александра Ивановича в связи с его 75-летием, один из выступавших спросил с трибуны, об-ращаясь к залу:

— Почему так любят профессора Мещанинова?

И сам ответил на этот вопрос:

— Потому что в каждом человеке он видит простейшего человека...

В этой простой фразе, пожалуй, весь смысл жизни людей, подобных Алек-сандру Ивановичу Мещанинову. Их у нас немало. Каждый из них — большая цен-ность для нашего общества. Их честный, самоотверженный и бескорыстный труд служит прекрасным примером для молоде-жи и гневным укором всему, что носит определение равнодушия. А равнодушие — это пустые глаза и холодная душа, это то, против чего наше общество неустанно борется.

кнез

— сказал пожилой инженер. — Ближайшая задача — переключить тя-гу на тепловозы и электровозы. Это уже совершающаяся революция. И не в од-ном железнодорожном транспорте. В привычном, с молоком матери воссознан-ном обличье земли — скажу так. Сто лет паровоз приучал к себе землю. А нашим детям он покажется динозавром.

— Правильно, борьба за КПД! — одобрил рассказчик. — Но... Есть еще область такой борьбы, важнейшая, полагаю, хоть техника тут вовсе не при-чем. Ученые... Служащие... Служащие элек-тронно-счетная машина в Академии наук может отсчитывать за день или, допустим, за неделю то, над чем сотни математиков год сидят. Я, как прочел, подумал: должно быть, величайшее из чудес! Создан электронный мозг в помощь чело-веческому. Только по-настоящему мы даже еще не додумали, что взять с него. Какой спросить службу. И гуляет он пока процентов на восемьдесят вхо-лостую. Потому что и фантастическая литература ничуть не приготовила и тому, что появится такой помощник. Не сумела предвидеть... Так вот, я мечтаю: пусть когда-нибудь академия засядет, сформулирует или, как там, программизи-рует, да и заедат электронным своим шкафом задачу, а все что избирательная отсчитает ответ: как двинулись бы при-чем... Ученые... Служащие... Служащие в «про-торженных» дел... не платили бы, так сказать, повседневной дани священному как прежде, так и мы», а ретшили бы любое дело в полную меру затрачивае-мой своей силы и своего, замечу, сооб-ражения.

Художница в последний раз прилежи-ла в альбом и захлопнула его почти со звуком хлопнушки. Алла что-то про-говорила пожилому инженеру — извест-ному экономисту, крупному знатоку про-мышленности.

— Непонятно? — обвел нас всех гла-зами разговорчивый спутник. — Я го-ворю именно и только о своей силе на-до, — пояснил он предыдущие сло-ва. — Не какой-нибудь там сверхчело-веческой. Самой обычной, которая есть у меня, у вас, КПД, стало быть, чело-веческих усилий. Не думаем, не гадаем про это, пока, к примеру, не заколосатся на весь мир целинные земли и сле-по не увидит: во оно, что значит, когда синеем долгой эту гирю, эту запо-ведь укатанной дорожки — влодь по-ней гляди, а в сторону — ни ни! И ведь четыре десятка лет делаем, чего ниде не было, на том обществе наше стоит, а в трудовом обиходе на производстве, в быту сколько еще путь надо рейти? И инженеру на своем участке. Архитек-тору... Как строили, какие рудаль-но-лонады развоили, не здания, а торг-школадный! «Так положено».

Довольно милостивая девица, ловко лапурия подносом между стоящими в тесном коридоре, прошла в это время с

жизни. Мещаниновы воспитали бо-лее десяти чужих детей. Или о том, что для Александра Ивановича сутки никогда не делились на день и ночь, когда речь шла о здоровье людей. В холодную зим-нюю ночь профессор готов был пешком пройти в любой конец города, чтобы ока-зать помощь больному. Нужно ли уди-вляться, что среди десятков поздравитель-ных адресов в кожаных, коленкорных и картонных переплетах, преподнесенных А. И. Мещанинову к юбилею, есть и та-кой адрес с кратким, но достаточно выраз-ительным текстом: «Лучшему из людей, врачу-бессребренку Александру Ивано-вичу Мещанинову в день 75-летия от лю-бящего населения Холодной Горы».

Читатель, вероятно, обратил внимание на то, что до сих пор много говорилось о Мещанинове-человеке и совсем мало — о Мещанинове-хирурге, ученом и педа-гоге. Так получилось потому, что в исто-рии с Мещаниновым нас главным образом и интересует, если можно так выразиться, человеческая сторона дела.

Ну, а о том, какой он специалист, до-статочно хорошо известно в медицинском мире. Более 80 работ, имеющих немалова-жное научное и практическое значение, сотни учеников — молодых врачей, про-шедших специализацию под его руковод-ством, — это звучит весьма убедительно. Не так давно имя Мещанинова упомина-лось в докладе советской делегации на XVI Международном конгрессе хирургов в Боннегагене. Его заслуги высоко оценя-ются крупнейшей хирургии страны. Дей-ствительный член Академии медицинских наук, заслуженный деятель наук РСФСР А. В. Мельников пишет, например: «Док-тор медицинских наук профессор А. И. Мещанинов является одним из выдающихся хирургов нашей Родины, пользующихся всеобщим авторитетом. Роль Мещани-нова в развитии советской хирургии очень велика, он автор многочисленных научных исследований. Нет сомнения, что Алек-сандр Иванович является первым хирур-гом Украины».

Так вот, о человеческой стороне дела. В прошлом году на должность, которую Мещанинов занимал не один десяток лет, на должность заведующего кафедрой хи-рургии Института усовершенствования врачей объявлен конкурс. Были пред-ставлены три кандидатуры, после чего конкурсная комиссия рекомендовала Учен-ному совету первым кандидатом профессо-ра М. М. Ляховича. Он и оказался из-бранным.

Еще несколько лет назад Александр Иванович Мещанинов удивлял всех своей не по возрасту кипучей деятельно-стью: одновременно работал главным вра-чом холодногорской больницы и заведу-ющим кафедрой в институте, был депутатом горсовета и почетным председателем об-ластного общества хирургов, успевая при этом читать публичные лекции, выступать на научных конференциях и съездах, возглав-

лять государственную экза-мационную комиссию в ме-дицинском институте. В последнее время профессор оставил все другие за-нятия, чтобы больше внимания уделять кафедре, — это все-таки была основная и любимая работа. А теперь и она ушла от не-го.

Ну, что ж, мы понимаем, что такое все равно должно было случиться, если не сей-час, то несколько позже: в хирургии, как известно, старость приходит гораздо рань-ше, чем скажем, в терапевтике или невро-патологии. И вполне вероятно, что сравнитель-но молодой профессор М. М. Ляхович, работавший в свое время под началом Мещанинова, в самом деле сможет руководить кафедрой более успешно. Все это, по-види-мому, так. Но вот закончился конкурс, из-дан приказ. А малыше?

Дальше произошло нечто совершенно не-ожиданное. Александр Иванович почувство-вал вдруг, что вокруг него образовалась ка-кая-то «торопчилина пустота». Выгляде-ло это так, словно он вышел из института и за ним тут же плотно захлопнулись двери. Сначала он надеялся и терпеливо ждал, — может быть, кто-нибудь придет за ним из института, может быть, позвонят по телефону, предложат какую-нибудь работу, попросят принять участие в каком-нибудь деле, — ведь за многие десятилетия он сроч-ился с институтом, жил интересами кол-лектива. Ну хорошо, его освободили от за-ведования кафедрой, но разве дело в долж-ности? Разве его присутствие среди молодых специалистов само по себе не при-несло бы им пользу? Да нужно ли доказы-вать, что ученый, профессор, врач-общес-твенник, более полувека своей жизни отда-вший борьбе за здоровье людей, мог бы еще очень и очень многому научить молодых специалистов?

Однако в институте об этом почему-то никто не подумал. Там не только не по-беспокоились о том, чтобы удержать Мещанинова, оставить его, скажем, консультан-том или подыскать другую должность, но только не заинтересовались его судьбой после того, как он оказался вне коллектива, но вообще поступили по отношению к нему недостоинно, оскорбительно. Оказы-вается, с профессором, проработавшим в коллективе свыше 30 лет и воспитавшим не одно поколение врачей, даже не по-прощались по-человечески, не поблагода-рили его, не проводили так, как провозжат у нас обычно всех ветеранов труда, неэва-нуировали их положения и профессии. Ста-рый труженик, заслуженный врач оказа-лся вдруг забытым и ненужным. Забы-тым — через день после того, как состоя-лся конкурс.

Все это не укладывается в сознании. Труд человека, его заслуги перед народом никогда и нигде не ценятся так высоко, как ценятся сейчас в нашей стране. Тем более холодными и равнодушными людьми выглядят те руководители института, кото-рые, вычеркнув профессора Мещанинова из списков сотрудников, как бы «испали» его в архив.

Мне рассказывали, что несколько лет назад, во время чествования Александра Ивановича в связи с его 75-летием, один из выступавших спросил с трибуны, об-ращаясь к залу:

— Почему так любят профессора Мещанинова?

И сам ответил на этот вопрос:

— Потому что в каждом человеке он видит простейшего человека...

В этой простой фразе, пожалуй, весь смысл жизни людей, подобных Алек-сандру Ивановичу Мещанинову. Их у нас немало. Каждый из них — большая цен-ность для нашего общества. Их честный, самоотверженный и бескорыстный труд служит прекрасным примером для молоде-жи и гневным укором всему, что носит определение равнодушия. А равнодушие — это пустые глаза и холодная душа, это то, против чего наше общество неустанно борется.

кнез

— сказал пожилой инженер. — Ближайшая задача — переключить тя-гу на тепловозы и электровозы. Это уже совершающаяся революция. И не в од-ном железнодорожном транспорте. В привычном, с молоком матери воссознан-ном обличье земли — скажу так. Сто лет паровоз приучал к себе землю. А нашим детям он покажется динозавром.

— Правильно, борьба за КПД! — одобрил рассказчик. — Но... Есть еще область такой борьбы, важнейшая, полагаю, хоть техника тут вовсе не при-чем. Ученые... Служащие... Служащие элек-тронно-счетная машина в Академии наук может отсчитывать за день или, допустим, за неделю то, над чем сотни математиков год сидят. Я, как прочел, подумал: должно быть, величайшее из чудес! Создан электронный мозг в помощь чело-веческому. Только по-настоящему мы даже еще не додумали, что взять с него. Какой спросить службу. И гуляет он пока процентов на восемьдесят вхо-лостую. Потому что и фантастическая литература ничуть не приготовила и тому, что появится такой помощник. Не сумела предвидеть... Так вот, я мечтаю: пусть когда-нибудь академия засядет, сформулирует или, как там, программизи-рует, да и заедат электронным своим шкафом задачу, а все что избирательная отсчитает ответ: как двинулись бы при-чем... Ученые... Служащие... Служащие в «про-торженных» дел... не платили бы, так сказать, повседневной дани священному как прежде, так и мы», а ретшили бы любое дело в полную меру затрачивае-мой своей силы и своего, замечу, сооб-ражения.

Художница в последний раз прилежи-ла в альбом и захлопнула его почти со звуком хлопнушки. Алла что-то про-говорила пожилому инженеру — извест-ному экономисту, крупному знатоку про-мышленности.

— Непонятно? — обвел нас всех гла-зами разговорчивый спутник. — Я го-ворю именно и только о своей силе на-до, — пояснил он предыдущие сло-ва. — Не какой-нибудь там сверхчело-веческой. Самой обычной, которая есть у меня, у вас, КПД, стало быть, чело-веческих усилий. Не думаем, не гадаем про это, пока, к примеру, не заколосатся на весь мир целинные земли и сле-по не увидит: во оно, что значит, когда синеем долгой эту гирю, эту запо-ведь укатанной дорожки — влодь по-ней гляди, а в сторону — ни ни! И ведь четыре десятка лет делаем, чего ниде не было, на том обществе наше стоит, а в трудовом обиходе на производстве, в быту сколько еще путь надо рейти? И инженеру на своем участке. Архитек-тору... Как строили, какие рудаль-но-лонады развоили, не здания, а торг-школадный! «Так положено».

Довольно милостивая девица, ловко лапурия подносом между стоящими в тесном коридоре, прошла в это время с

«Про трудящегося, попа и туеваяда» — один из серии много-кадровых сатириче-ских плакатов созда-телем которого был в 1918 году М. Че-рнышев. Художник сам писал к ним тек-сты. Эти плакаты полу-чили в свое время ог-ромную популяр-ность, переиздава-лись в ряде городов. Трудясь над ними, М. Чернышев пришел к идее создания зна-менитых «Окон РОС-ТА», над которыми вскоре стали рабо-тать вместе с ним Маяковский, Моор, Малютин и другие.

По примеру Москвы в 1920 года начали вы-ходить разнокаче-вые от руки «Окна сатиры» в 32 городах России, Украины, Белоруссии, Закавказья, Крыма, Дальнего Вос-тока и республик Средней Азии. Об-щее количество «Окон сатиры РОСТА» в 1920 году значи-тельно превышало всю печатную плакат-ную продукцию.

Окно сатиры РОСТА № 5.

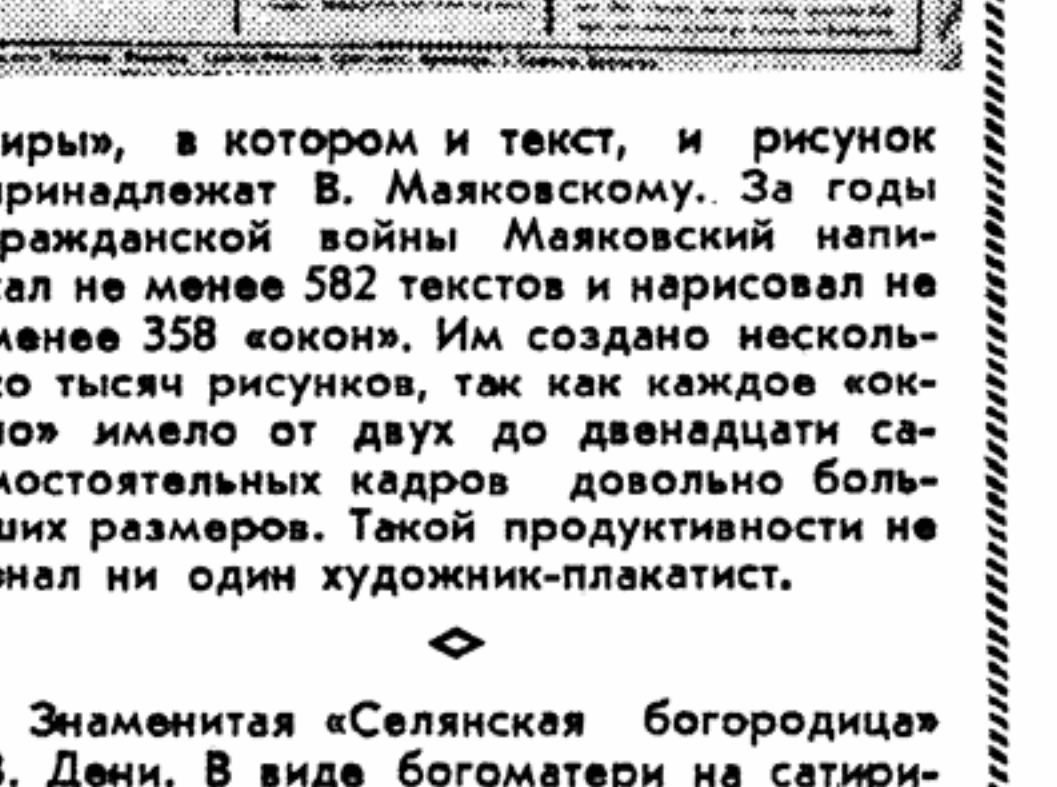
Рабочий! Ловишь беспартийным выкином! Если хочешь жить дружно и безбедно, Всею советскою силой делай, Всею советскою силой делай.

Этот плакат, помеченный № 5, является вместе с тем первым «Окном са-тиры».

тирью, в котором и текст, и рисунок принадлежит В. Маяковскому. За годы гражданской войны Маяковский написал не менее 582 текстов и нарисовал не менее 358 «оконов». Им создано несколько тысяч рисунков, так как каждое «окно» имело от двух до двенадцати самостоятельных кадров довольно больших размеров. Точно продуктивности не знал ни один художник-плакатист.

Знаменитая «Селянская Богородица» В. Дени. В виде Богоматери на сатири-ческой иконке изображены крестьян-ский эсер Чернов. Роль покосившего у него на руках «алладного» отведена Колчаку, а «ангелочку» в верхних углах «иконки» — Юденичу и Деникину.

Этот плакат, помеченный № 5, является вместе с тем первым «Окном са-тиры».

Обнаружен древний город Густаспи

БАКУ. (Наш корр.) В истории средневекового Азербайджана был хорошо известен город Густаспи — некогда богатый центр одной из областей, называвшейся в честь одного из ширваншахов. Область эта славилась земледелием и рыболовством, вела торговлю с Индией, Византией и другими странами. Однако точного местонахождения города Густаспи никто не знал.

При сооружении ирригационного канала недалеко от города Сальяны колхозники обратили внимание на черепки глиняных сосудов, глазурированные плитки, кости живот-ных, то и дело попадавшиеся в вырубках земли. Об этом сообщили в Институт исто-

рии Академии наук Азербайджанской ССР. Ученые тщательно обследовали местность и обнаружили множество небольших ольшан-ских жилищ, развалины жилых домов, производственных сооружений. Здесь же были найдены различные бытовые предметы, многочисленные глиняные изделия, наменные плитки с иероглифами, монеты. Наиболее ранние археологические памятники относятся к IV-V векам до нашей эры, более поздние — к средневековью.

На основании этих находок ученые пришли к выводу — найден знаменитый город Густаспи. Археологические раскопки будут продолжены.

она, власть «колен». Да еще, прошу прощения, неуваженной трусостью и самолюбием. Онаркатуренной! — до полнейшей красы, до расбойки психологии! Молодой человек, я так считаю, и вообще права не имеет всю жизнь про-волочить, где родился, опасаясь, как бы папашин рукав не потерял. Мне бы! — в самое тяжкое наказание таковое! И вырастает дитятик лет до тридцати... желторотые старички. Когда и жить-то ему останется — все готовит ст. Не понимаю, как можно так опорнать себя, отнять у себя самое наущное, суть жизни, без которой себя за-презираешь. Всего лишит, чем живешь страна, словно ты узник на иной планете... Такие человеческие потери сочетом мы или не сочетом, а? Да вот, позволю-те, один пример приведу. Когда я работал прокурором в Белой Церкви... Жизнь, которую прожил этот человек, интересна и многообразна. Солдат, пришедший с фронта, он был в числе тех, кто установил Советскую власть в ноябре 1917 года в небольшом средне-русском «черноземном» городке. В во-семнадцатом, одетый в ту же солдат-скую шинель, он попал в Москву делега-том и там видел и слышал Ленина. В Бельце, конечно, разбирал жалобы тру-дящихся. Учредил на рабаке, получил назначение в Донбасс, оттуда перебро-шен на Киевщину; во время коллекти-визации объехал почти всю Украину. Был на советской и на партийной рабо-те. Кончил в Москве Институт красной профессуры, но, отдиректорствовал год или два в комвузе, на академической «линии» не остался — тянула «глубин-ка». Видел и помнит неисчерпаемо мно-го, село и город знакомы ему не «пей-зажно», не по-туристски; туристом вообще едет впервые. Он из тех, кто ищет, любит и умеет собирать в своей памяти «человеческие слушан» — кажется, писательская завкаса, но как раз боль-шинство подобных людей, из тех, кого я встречал, не написал никогда ни одной беллетристической строки и явно не ошуало в том потребности; набо-рот, я знаю писателей, притом непло-хих, почти начело лишенных способно-сти запоминать что «случается», и вер-нувшись из какой-нибудь поездки, бе-змолвующими за дружеской беседой мертвец всех...

А за окнами пролетали полустанки, медили узловые станции, тянулись се-ла и поселки, вырастающие в города, мелькали элеваторы, шоссе, по которым, газуя между телеграфными столбами, спешили «победы» и пятигонки, ветви-лись железнодорожные пути, наотмашь рассеяна кругозор, к дымками трубам далекого завода под куполом просторно-го и чистого неба с нависшей в выс бе-стой музой самолета... Знакомый и милый пейзаж давно уже ставший для нас лицом Родины!

В общем выяснилось, что о некото-рых весьма почетных произведениях наш спутник держится не слишком поч-тительных мнений.

Я не раз, впрочем, встречался с таки-ми отклонениями устных читательских рецензий от печатных... Он припомнил даже, к случаю, совет Энгельса — ко-гда нечего сказать своего, то лучше по-молчать. Разговор грозил уйти в лите-ратурные дебри. Опыт показал, что если начало подобных разговоров и можно установить, то конца они обычно лиш-ны. Один из едущих с нами литерато-ров, признав высказанные суждения лю-бопытными, хотя и спорными, все же предположил, что многие важные лите-ратурные явления остались вне поля зрения собеседника. «Я и сам это пони-маю, но невольно мирнолюбиво согласи-лся тот... свободного времени в жизни мо-е было мало, и в столице я почти не жил». Он сказал еще о «жаре души» поэта, художника, и литератор помор-щился, но быстро изменил выражение на очень одобрительное.

— Да, мало жила в столице, — резков свернул он на прежнюю тему, — папашны сынки, кончающие инсти-туты, а за Москву цепляющиеся, — вот

В ПУТИ

Писатель В. Са-фонов заканчива-ет работу над «По-вестью о морях и суши». В основу повести положены впечатления, накопленные во время поездок писателя по родной стране и за границей.

Мы печатаем отрывок из пер-вых глав повести.

ЗА ОКНАМИ — брякание места. Реч-ка и чистый луг, густая трава с брызнувшими цветами (отчего вла-дость думает, что это темное-зеленое флу примешивается к се темно-зеленому фону теплых, какой-то грешничий оттен-ок) так мятла, что коровы, по брюхо брошенные в ней, верно, почти вовсе ее не ошущают. В конце колосившего поля куртятся дымки, там деревенка. И вы-сокой ровной стеной стоит лес с краси-выми стволами сосен.

Я слышу разговор в коридоре:

— Какая прелесть!

О СВЕТАЛОМ ВРЕМЕНИ

Вера ПОТАПОВА

Имя азербайджанского поэта Мамеда Рагима для советского читателя неразрывно связано с развитием нашей обидной талантами многонациональной поэзии.

М. Рагим, творчески наследуя великое классическое наследие своего народа, в то же время одним из первых среди поэтов Советского Азербайджана (и в этом его новаторство) решительно порывает с общепринятыми каноническими формами и отжившими художественными приемами.

Поэзия выскла за облака, На горные вершины, и считалось, Она, мол, беспелесна, высока, Все чуждо ей — заботы и усталость, Здоровье и недуг, обычный быт И грубый труд — вся прораба жизни, — словом, Мир «пошлых» будней его позыбят...

Реалистическое начало преобладает в творчестве Мамеда Рагима и является его сильной стороной.

На русскую поэзию взгляни! Учишь ее правдивости прекрасной,

— говорит М. Рагим. Прекрасная правдивость неотделима от другой особенности русской поэзии, как и всякой настоящей поэзии, — от любви к людям, человечности.

«О светлом времени, любви людей, пишу» — об искренности этого признания свидетельствуют многие учения поэта. В его сравнительно небольшой книге «Стихотворения» («Советский писатель», Москва, 1956 год) мы встречаемся с гидромониторщиком, срывающим гору, чтобы заставить стропильную Куру служить человеку, и с «чуждой москвичкой» — русской девушкой-геологом, отдавшей Мингечауру свой труд, с сельским учителем и с камешником, азербайджанской Рагима, и с грузинской рыбачкой Тамарой.

Лирический герой книги — наш современный, человек щедрого сердца, вдумчивый, горячий, жизнелюбивый.

Книга М. Рагима «Стихотворения» разбита на три раздела. Деление это кажется мне несколько произвольным, ибо многие стихи, помещенные в разделе, озаглавленном «О красоте», можно было бы включить в раздел «На земле Отчизны», и наоборот.

Мастером сюжетного стиха предстает перед нами М. Рагим в ряде законченных поэтических новелл, проникнутых невинностью трудящегося человека к колониализму и его посетителям. По-настоящему волнует рассказ о тебриканском продавце айрана, который выплеснул свой товар (кислом, холодном молоке) в песок, отказываясь услужить пьяному, разомлевшему от вина и жары «заказанскому офицеру».

Большой художественной силы стихотворение «Камень». Камень поднят в пустыне погонщиком верблюдов, чтобы уравновесить сползающий тюк. Он увезен далеко и брошен за ненадобностью где-то у въезда в город.

А камень бел, крутлы бока, И камня мұка глубока: Он пролежал в пещере века, Он жить не может без песка!

...Он грезит, что его опять Поднимет кто-нибудь И будет вновь за пядью пядь Обратный пройден путь.

Он весь расслапаться готов, Готов себя он сжечет, Чтоб хоть песком среди песков В гнездо родное лечь...

Я даже камню бы помог, Коль он от родины далек. О счастье — после всех дорог Переступить родной порог!

Перевод А. Плавинка

Любовь к Родине, стремление к миру, чувство родства и дружбы, собственные советским людям, — все это объединяет

ет наиболее значительные лирические произведения М. Рагима. В нем нужно отметить и мингечаурские стихи. Вот стихотворение «Певцы». Поэт привозит в подарок любимой охапку полевых цветов,

Ибо с детства знал, что здесь пустыня, Где ни злаков, ни травы, ни лоз.

Но ему открывается чудо: Вся мингечаурская долина В россыпи благоуханных роз.

Перевод А. Плавинка

Три стихотворения, посвященные освоению целинных земель, к сожалению, лишены конкретности и жизненности, присущей мингечаурскому циклу, и страдают несвойственной автору умозрительностью. Таково, например, стихотворение «За сутки, за час...», тематически перекликающееся с мингечаурскими «Цветами». Думается, что мы вправе требовать от талантливого мастера более углубленного проникновения в души тех людей, которые были подняты на большое патристическое дело.

Раздел «О красоте» включает лирику, преимущественно любовную, но рубрик, открывающие раздел, значительно расширяют его. Мамед Рагим отлично использует эту традиционную форму, при всей лаконичности очень емкую. В книге помещены четверостишия о партии, народе, о любви и верности, о творческом труде. Выступают против тех, кто слишком узко понимает задачи нашей литературы. М. Рагим пишет:

Такой песни кто не знал, тот и громкой не поймет, В малом кто красы не знал, и в великом не найдет, Кто веками слез не лил, кровью кто не исходил, Кто любовью не пылал, не знавал и счастья тот!

Перевод Э. Левитина

Однако не все рубрики М. Рагима равноценны. Некоторые из них охлаждены риторикой, лгуной врезкой с творческими взглядами автора. Например: «время нам подносит радости шерсть» или: «советский человек ныне роет счастья миру в лар привнес». К слову сказать, такого рода неопределенная риторика есть и в стихотворении «Будет мир на земле», открывающем книгу. Не лучше ли было бы открыть ее поэтичной и жизнеутверждающей «Песней утра», мастерски переведенной А. Аладзе?

В разделе «О красоте» много хороших лирических стихов. Они подкупают силой чувства, подлинным, неангажированным темпераментом, другие — новизной мысли. Стихотворение, которое я привожу почти полностью, содержит ответ на просьбу, озаглавленную разрывом: «Взречи мне письма, карточку верни!»

Куски бумаги требуя обратно, Ты не сказала ничего о том, Как поступить мне с тем, что невзрачно, — С годами, проведенными врозем.

Верну тебе и карточки и письма... Но станет ли от этого ясней Вопрос, в котором не разобрались мы, — Как быть с любовью? Что мне делать с ней?

Перевод М. Львова

Мамед Рагим отнюдь не страдает болезнью романтики, приземленностью, порой встречающейся в нашей поэзии. Романтической приподнятости его произведений большей частью сопутствуют конкретность и реализм. Эта особенность творчества М. Рагима отчетливо проступает в его поэме «Саят-Нова», с которой не так давно познакомил русского читателя журнал «Литературный Азербайджан». М. Рагим, умело используя исторические факты и сочетая их с художественным вымыслом, создает красочную реалистическую повесть из жизни великого поэта-ашуга, творившего на армянском, грузинском и азербайджанском языках, — поэта, чье наследие вошло в сокровищницу классической литературы трех народов Закавказья.

Это значительное, очень своеобразное произведение. И, конечно, досадно, что А. Плавинка, у которого немало переводческих удач в книге стихов М. Рагима, перевел поэму «Саят-Нова» ниже своих возможностей.

Талантливому поэту Мамеду Рагиму исполнилось пятьдесят лет. Пожелаем ему новых больших успехов. И хочется надеяться, что наши издательства выпустят одноволнник, который даст полное представление о тридцатилетнем творческом пути выдающегося мастера азербайджанской советской поэзии.

Живая сила сказки

Имя Мусы Джалиля дорого советскому человеку. Солдат и поэт, преданный до последнего дыхания своей Родине и своему призванию, человек, создававший незабываемые прекрасные стихи о любви к Отчизне за несколько часов до мученической смерти в фашистском застенке, он навсегда останется примером высокой гражданственности. И если до сих пор мы знали лишь бессмертные строфы Джалиля, то в вечер открытия декады татарского искусства и литературы дарование поэта повернулось к нам еще одной, быть может, очень скромной, но для нас — людей оперного театра — необыкновенно драгоценной гранью: мы узнали Джалиля-либреттиста, большого писателя, который без ложного высокомерия и со знанием дела отдавал свой талант благородной задаче создания истинно поэтического оперного либретто.

Построенное на легендах национального фольклора, оно, как мне кажется, является отличной литературной первоосновой для создания оперного спектакля. В либретто оперы Н. Янганова «Алтынчеч» («Золотоголосая») М. Джалиль органически сочетал фантастику сказки с ее беспредельной верой в добрые силы, побеждающие могучих коварных врагов, и реализм рассказа об извечной тяге народа к свободе, его мужеству в борьбе с порабощателями родной земли. В опере «действуют» белокрылые крылатые кони и сереброкрылые лебеди, волшебные фосфоресцирующие мечи и щиты, здесь мгновенно расцветают деревья в тот миг, когда добрый витязь Джиг повергает в прах зловредного арга, здесь мазуки и танцы, которые благоухают народом на борбу с хакскими полчищами. И женщины, прошедшие со своими близкими, преодолев горечь расставания, подхватывают призы своей старшей подруги:

Чужим двоюродного героя быть, Лучмэноу турса послышат!

Этот женский хор, как, впрочем, и другие хорошие эпизоды оперы, составляют ее истинное украшение. Национальная окраска музыки всей оперы в ее хор особенно ярна и привлекает внимание. Вспомни арга дуэты и трио — не менее своеобразны по своей мелодике, ритмическому рисунку и ясности построения, чем массовые сцены «Алтынчеч». Произведение выдающегося национального композитора Н. Янганова, построенное на лучших традициях русской и западноевропейской классики, проникнутое духом татарского мелоса, и это сочетание дает весьма плодотворные результаты. Невзирая на то, что некоторые страницы партитуры излишне традиционны, музыка полна бесхитростной поэзии национального фольклора, и в этом — ее сила. Автор оперы никогда не прибегает к прямому цитированию бытовых народных мелодий. Но именно поэзия, вдохновение народа — душа драматургии и музыки «Алтынчеч» — делают эту оперу такой интересной для москвичей.

Мы с большим удовольствием познакомились с вокальной культурой гостей столицы, по достоинству оценив светлые и чистые soprano исполнительницы заглавной партии Р. Билялетдиновой, сильное сопрано-сопрано М. Булатовой, которая выступила в партии Тузак, звучный баритон Б. Аполлонова (хан) и отличный оперный тенор Ф. Насретдинова (Джиг). Радует, что вокальная культура казанского театра оперы и балета имени Мусы Джалиля, так же как и мастерство артистов его оркестра, превосходно руководимого дирижером Д. Садрихановым, находится на уровне, который позволяет говорить о большом творческом будущем талантливого коллектива.

Залог его новых успехов в том, что за восемнадцать лет, минувших со дня создания оперного театра, то есть за более чем короткий для появления собственного репертуара и собственной школы оперного пения, эти качества обреты и упрочены всем ходом работ лучшей татарской музыкальной труппы.

Достаточно сказать, что на декаду привезены три национальные оперы — по имени «Алтынчеч» показывается «Самат» Х. Валиуллина и «Джалиль» Н. Янганова, причем и «Самат» и «Джалиль» — произведения, посвященные современности. Столичному зрителю показан также национальный балет Ф. Яруллина «Шурале».

Афишу казанского театра неизменно украшают и творения великих композиторов прошлого. Показ в Москве «Евгения Онегина» Чайковского не менее убедительно говорит о том, как многого достиг татарский театр и какие отрядные перспективы открываются перед ним сейчас.

Евгений БЕЛОВ, солист Большого театра СССР

Поэт красоты и свободы

А. ФАИЗИ

«Я ведь не чистый, вылитый поэт... Я к тому же дипломат, политик, общественный деятель»... так писал Габдулла Тукай в одном из своих писем.

Это было сказано без всякой иронии, искренне и не случайно. Многим татарским деятелям культуры в начале нашего века приходилось быть исключительно разносторонними, работать не только за двоих, но и за троих, за пятерых. Таким был и Галимжан Ибрагимов: он и писатель, и историк, и филолог, и литературовед... Но писательство все же осталось основным призванием Г. Ибрагимова, и его не постигла участь многих универсалов, которым суждено было сойти на нет только из-за того, что они слишком за много брались.

Г. Ибрагимов — современный основоположник новой татарской литературы Тукая и Амирахана, и в этом смысле личность его является для нас исторической. Но он и наш современник. Когда он писал «Глубокие корни» и готовил к печати вторую редакцию романа «Наши дни», наше нынешнее поколение писателей уже активно работало в литературе. Такое счастье творческое долголетие позволяет нам рассматривать его писательскую биографию как живую летопись развития нашей литературы с 1905 по тридцатые годы.

Подъем и спад первой русской революции, новый подъем рабочего движения, Февральская революция, Великий Октябрь, годы восстановления, индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства — все эти события громадной исторической важности Г. Ибрагимов пережил, осмыслил и как человек, и как художник. Он прошел сложный путь становления. В борьбе со старым писателем брались иногда не за то оружие, пережив увеличение мелкобуржуазным романтизмом, его творчество коснулось даже эстетский, декадентский дух. Но большой талант, общественное чутье помогли ему быстро ориентироваться в происходящем, на ходу исправлять ошибки и стремительно идти к великой правде искусства — реализму. Поэтому, сравнивая то, что написано было им в начале творческого пути, с произведениями, созданными в последние годы его жизни, мы увидим огромный скачок от лирического и натуралистического бытописательства до освоения метода социалистического реализма.

Значение художественного наследия Г. Ибрагимова огромно. По его произведениям — искренним, правдивым — новое поколение будет изучать одну из величайших страниц истории татарского народа. Произведения эти написаны не холодным созерцанием, а пламенным борцом, горячим участником описываемых событий. Читатель почувствует в них неяркие слезы печальника народа и увидит улыбку радости большого человека, верящего в светлое будущее. Творчество Ибрагимова — прекрасная школа для нас, литераторов нового поколения. Как всякий выдающийся художник слова, Ибрагимов глубоко национален в изображении жизни, быта, чувств своего народа. И в то же время типы, характеры героев в его произведениях общечеловечески интересны, понятны, близки читателю любой национальности. Отсюда популярность, влияние творчества Г. Ибрагимова в других литературах, в особенности в литературах тюркских народов.

Вступление Г. Ибрагимова в литературу совпало с периодом ожесточенных битв татарской молодежи с феодализмом устоями жизни. Молодой Галимжан находился в авангарде этого движения. Свое участие в борьбе он запечатлел в автобиографической повести «Пангине Заки шакира из медресе» — произведении, сыгравшем немаловажную роль в пробуждении сознания учащих старых религиозных школ. Но повесть возмездия была на уме не силой художественного обобщения: это был, по существу, лишь дидактический призыв восстать против старого духовного образования, за европеизацию школьной программы. В то время каждое воленое слово, пусть не обремененное в действительности художественную форму, но призывающее к неспириванию старых порядков, тотчас находило отклик в сердцах молодежи и организовывало ее на борьбу. По мере развития и углубления борьбы литература, разумеется, совершенствовала свою форму, и дидактика уже мало кого удовлетворяла. Во втором своем произведении — «Судьбе татарки» Г. Ибрагимов во многом преодолел дидактизм и овладел реалистическим письмом. В этой книге еще немало страниц натуралистического бытописательства, но

Г. Ибрагимов, «Израгное», Таткингондат, Казань, 1957 г. 455 стр.

уже ощущается, уже возникает живое слово писателя-реалиста, писателя своей манеры, своего стиля.

«В Судьбе татарки» Г. Ибрагимов затронул едва ли не самую острую тему того времени — тему освобождения женщины из-под ита угнетенного феодального гнета. Новое время возлагало на женщину новые задачи воспитания достойного поколения. Но разве сумеет она выполнить эту свою историческую миссию, оставаясь рабыней раба? И роман «Судьба татарки» был протестом против старых семейных устоев, закабалывавших женщину.

В первой редакции романа (1909 год) автор определяет несколько необычный путь борьбы женщины за ее достоинство и права. Гюльбану, героиня романа, уходит от семьи в горы, переодетая в мужское платье, чтобы иметь возможность получить работу. Да, она обрела теперь личную свободу, но насколько эта жизнь замаскира? А что будет дальше? Автор не дает ответа, да его, по существу, и не могло быть. Через 20 лет (1929 год) Г. Ибрагимов вновь возвращается к этому произведению и перерабатывает его. Как решает он теперь судьбу своей героини? Находит ли она, наконец, выход из своего положения? Нет. Затравленная нестерпимыми условиями феодально-собственнической жизнью, религиозной и патриархальной моралью, Гюльбану кончается жизнь самоубийством. Не слишком ли безнадёжен и жестокий вывод писателя?

На первый взгляд, да. Тем более, что Гюльбану выведена не безвольной, бессловесной рабой мужа, сверкнув, родители. Она два раза уходит от мужа. У нее хватает смелости пойти к мужу и заявить, что дальше так жить невозможно. Не выдержав, дает она отпор бесчестливой свекрови. Но в том-то и дело, что в условиях тогдашней действительности все это — напрасные потуги обреченной личности. Рассвернувший муж вновь возвращает «испорченную» жену в дом. Родители не могут перечить ему — право мужа гарантировано законом и шариадом. Да и отец Гюльбану не хочет взять ее в себе. «Все ушло на нее, на подарки, — мотивирует он свой отказ. — А теперь все оставил этим ничиным форсунам! Да разве это шутка? Ну, представь себе, оставим, а если муж и тогда не даст развод? Я беседувал с хазретом, он говорит: если муж не разведет, то и бог не разведет, и мұла разведи не может». А мұла увещивает Гюльбану: «Куда муж ударит, то место в аду гореть не будет. Терпи, сноха». Все средства испробованы, спасения нет, круг замыкается. Куда деться Гюльбану, что остается ей, кроме самоубийства?

Вспомним, как пишет Дюбулов о смерти Катерины в «Трозе»: «Но и безвозвратных соображений, просто по человечеству, нам отродю видеть извлекать Катерины — хоть через смерть, коли нельзя иначе... Жить в «темном царстве» хуже смерти».

Смерть Гюльбану — вызов миру насилия, отчаянный, страстный протест против него. Гюльбану олицетворяет то чистое, цельное, что есть в человеке, и эта чистота оказывается ни к чему в собственническом мире. В этом и заключены большая мысль, социальный смысл романа.

Не смерть, а победой героини развешается финал другого произведения Г. Ибрагимова — романа о жизни казахов «Доля степи». Переход дочери главы рода сармаюв Карлыгач-Слу выбор: она попустит по зову сердца и соединит свою судьбу с волеволюбивым Арсланбаем из рода Табаата, и тогда помолвленный и ею по воле аскакалов Калтай из рода Карамайр поднимет свое чокчея яа сармаюв, или она откажется от любви к испольной родовой общай, станет женой Калтая, купит тем самым для своего рода покой и тишину. Как быть? Карлыгач-Слу выбирает Арсланбаем. Любовь торжествует победу. Счастливы конец? Нет, не дешево и не легко достается девушка эта победа. Ведь она идет наперекор воле родителей, нарушает интересы рода, с которым кровно связан.

Любовно-романтическая линия романа органически связана с другой — сурово-реалистической линией показа родовой вражды, которая долгие времена развела кочевой народ. Борба родов особенно обострилась во время выборов «кыз-атаксы» — главы-управителя казахов. Интриги, подкупы, на которые враждующие стороны не жалели ни денег, ни подарков, достигали высшего предела. Однако в

конечном счете исход выборов зависел от карских чиновников, а они тоже любил богатые подпошения. Родам среднего достатка, в первую очередь их трудящемуся большинству, и приходилось выносить на своих плечах всю тяжесть предвыборных поборов, все скверные последствия борьбы баев за власть.

Очень существенным представляется в романе образ батрака Джолконбая. Он эпизодичен, но не схематичен. У него свои собственные противоречия. Его трагедия в том, что он со своей судьбой одинок в степи, нет человека, который бы сказал бы ему, как поступить с хозяевами-угнетателями. Сам Джолконбай находит найвыный способ борьбы. Он хочет раскрыть секреты своего хозяина главе враждебного рода.

Меленно, очень медленно «умнеет» Джолконбай, но в конце романа мы встречаем его как беглого, скрывающегося от преследования полиции «политического преступника». Хозяевами своей судьбы, вершителями больших государственных дел мы видим бывших батраков и бедняков в романе «Глубокие корни». Это уже не эпизодические, не второстепенные, а центральные, ведущие образы. Прежние хозяева и их работники поменялись ролями. Но классовый спор не кончен, борьба идет ожесточенная. Враг притаился; он теперь убивает не сам, старается действовать руками классов не полковников, бесхарактерных лжецов, честолюбивых, карьеристов, разложившихся, интригана и подкупами вербуй их на свою сторону.

Момент такой сложной и жестокой борьбы удачно схвачен Г. Ибрагимовым в «Глубоких корнях». Сосредоточив сюжет на одном факте — убийстве деревенского коммуниста и судебном раскрытии этого преступления, писатель создает картину большого социального накала.

Роман начинается лаконичной фразой: «Факри убили». Завершается он сообщением о приведении в исполнение смертного приговора над Хасяномым, убийцей Факри. Композиция романа подчинена логической связи между этими двумя фактами — преступлением и возмездием. При таком построении можно было опасаться, что детектив захлестнет социальную сущность событий. Художественный такт писателя преодолел эту опасность: Г. Ибрагимов понимает над фактами, и нас, читателей, уже не столь интересует приговор суда, как приговор художника. Перед нами не частное обвинение бывшего капиталиста Хасянова, не его личное поражение, а неизбежность люда целого класса, историческая обреченность его.

Успеху романов Ибрагимова способствует умение строить сюжет, непринужденность манеры, яркий, богатый язык. Писатель прекрасно владел даром рассказчика из народа. Это не значит, конечно, что язык его произведений одностепен. Нарядность его в том и заключается, что каждый из героев говорит по-своему. Меленно его интонация, когда это нужно, и сам автор. Например, «Доля степи» с начала до конца написана в стиле казахского певучего народного говора, тем самым роману придан аромат степного края и народа.

Выход в свет романа «Глубокие корни» в свое время был событием в татарской литературе и, я бы сказал, открыл в ней новую страницу своим смыслом вторжения в жизнь. Роман поднимал новый, доселе невиданный в татарской литературе материал и новаторски раскрывал его.

Тематическое и идейное сочетание трех произведений в одном сборнике нужно считать удачным. Но почему это «Израгное»? Ведь у Ибрагимова есть не менее значительные произведения, например, роман «Наши дни» во второй его редакции — большое поэтично об участии татар в первой русской революции. А прекрасная «Повесть о красных цветах», а поэтически великолепные рассказы «Дети природы», «Старый батрак» и другие!

Мы, конечно, не смогли в короткой статье коснуться всех этих произведений. Мы хотели лишь подчеркнуть самое главное в творчестве Г. Ибрагимова — его горячую любовь к жизни, его страстное желание сделать людей счастливыми. Он воспевал красоту жизни и дрался за нее. Его произведения мы, новое поколение, читаем как летопись жизни большого народа, обретшего свои права в ожесточенной классовый борьбе против своих эксплуататоров. «Поэтом красоты и свободы» назвала русская критика Ибрагимова при его жизни. Это действительно так, и таким остается он в наших сердцах.

Правдиво, самобытно...

Темной ночью и дикой скачкой, с его хмельным азартом игрока в великолепном исполнении артиста Ф. Халитова; старческие умудренные правдолюбцы Шайхи (артист А. Зиятдинов); стихийный бунтарь против помещиков Мишна (артист Камал Шин); страшный в своем неукротимом восторженности фальшивомонетчик Тимур (артист Х. Салимжанов); забитая, слепо религиозная старуха (артистка Г. Волгарская); боевая Захира, с ее предпримчивым характером и острыми словечками (артистка М. Миннибаева); злобный самодур Зиганша (артист Н. Гайнуллин) — эти лучшие актерские работы спектакля хороши и своей истинно человеческой многокрасочностью, и тем, как прозрачно «просматривается» через них облик народа, опутанного суевериями, но рвущегося к свету. Актеры играют с удивительной непосредственностью, и созданные ими характеры воспринимаются как цельные типы деревенской жизни.

В художественном образе спектакля верно быту придумано сплетается, со стремлением к живописности. Шеллы красочность и в очевидном пристрастии режиссера к импозантной мизансцене (знавасея, над которой работают девушки, эффектно драпирует их); и в том приеме контраста, к которому широко прибегает режиссер (после призывных песен и танцев молодежи чмто затхлым, окостеневшим вет от сцены стариков, пришедших со своими дарами к ишану); и в оформлении (багровый отсвет костра подчеркивает тьму чащобы); и в детальной разработке многих массовых сцен.

Еще одно своеобразие постановки — в пронизывающей ее музыкальной стихии.

Дело здесь не только в том, что музыка известного татарского композитора С. Сайдашева искренняя и мелодична (прехвосходны мужественный хор бешлево, песня «Альй платок, голубая шаль» и некоторые другие), но прежде всего в том, что она не рвет сюжетную ткань пьесы, не приостанавливает действия, а продолжает, развивает его. Музыка так плотно сливается с ходом драматического изложения, что «швы» зачастую незаметны, неуловимы.

Театральное искусство татарского народа жизнерадостно, темпераментно. Но если судить о спектакле по большому счету (а только такого подхода и достойны истинные художники), без скидок на гостеприимство, то нужно говорить и о недостатках: они в спектакле есть, промолчать о них нельзя. Здесь можно сказать о том, например, что в некоторых местах чувство меры изменяет режиссеру и действие, которое обычно является непринужденно, внезапно затормаживается; о том, что иногда живописность переходит в иллюстративную декоративность (последняя картина в лесу); о том, что бесшабашная пьеса (второе действие) не выжигается с отвальной решимостью людей, у которых «сердце гневом кипит» и которые идут на выручку товарищам; что артист А. Аббасов поет партию Булата, но не создает интересного характера... Все это так, но все это, в общем, частности, и частности устранимые. Важнее другое — то, что пьеса Тинчурина прочтена театром несколько односторонне, преимущественно как комедия. Вот почему открывающая спектакль песня Майсары внутренне противоречива: грустная по тексту, она звучит почти в

село, — я вот почему спектакль о большой любви и победе народа кончается... фарсовым появлением ишана с четырьмя женами в ночных костюмах. В этих сценах (как, впрочем, и в некоторых других) происходит «насилыственное» переключение пьесы в комедийную тональность. Между тем ее внутренний смысл требовал гораздо более всестороннего раскрытия. Непременное стремление к комическому обобщению и тему пьесы, и некоторые ее образы: старый ишан, сласлолюбив, действующий под личиной святоши, сыгран артистом Х. Уразкиным уверенно, интересно, но явно рассчитанные на комический эффект вульгарные ухватки придают работе актера неприятный оттенок: личица, обаятельна Майсара в исполнении артистки Р. Хайретдиновой, но драматизм ее судьбы мог быть передан выразительнее. И хочется предостеречь: в некоторых актерских работах ощущается тенденция к упрощению. Но ведь цельность вовсе не должна вести к прямолинейности, ясность — к примитиву. Нужно ли было говорить обо всем этом? Необходимо: снисхождение оскорбляет ее, компромиссы унижают. Чем скорее искоренят наши татарские друзья эти несовершенства, тем зримее выступят неоспоримые достоинства их искусства. Сила татарского искусства — в живой, порывистой эмоциональности. Линия его четки и завершены, краски — определены. Чуть-чуть наивно и очень свежее, современное и своеобразное, оно по праву сразу же завоевало симпатии столичного зрителя.

В. ЛЕВИТИНА

ПЕРВЫЕ ПЛАКАТЫ РЕВОЛЮЦИИ

Отрмели последние бои гражданской войны. Плакат 1921 года «Три гренадера», принадлежавший Д. Моору, с насмешкой вспоминает некогда грозных врагов. Под небодрым осенним дождем, жалкие и смешные, шагают по ишалам к Парижу Юденич, Деникин, Врангел...

Рисунок сопровождается стихом, пусть не совершенные по форме, но выражающие ясно и точно мысль:

Напечатан в этом номере репродукция некоторых плакатов первых лет революции, редакция «Литературной газеты» намерена продолжить публикацию наиболее интересных образов. Мы были бы благодарны тем товарищам и организациям, которые пожелали бы сообщить нам о новых находках малоизвестных и неизвестных плакатов первых месяцев Великого Октября, а также периода гражданской войны.

Вот уже многие годы выступают на столичных подмостках посланцы советских республик. Очень разные видели мы за это время спектакли. Разные по темам, жанрам и стилям, по степени художественности исполнителей и профессиональному умению режиссера, по талантливости и выразительности силе. Но неизгладимый след оставили лишь те из них, которые позволили почувствовать душу народа, лучше понять его характер, его национальные особенности. Может быть, именно этим прежде всего и объясняется горячее одобрение, которым москвичи встретили «Голубую шаль» — первую постановку, показанную Татарским академическим театром имени Г. Камала.

Крупнейший татарский драматург, превосходно знающий жизнь своего народа, К. Тинчурин создал подлинную социальную драму. Бесхитростная история любви бедняков Майсары и Булата, рассказ о трудностях, возникших на их пути, о неумирающей тяге к счастью и борьбе за него переданы писателем просто и проникновенно. Люди труда показаны им с любовью и теплым юмором, а в обрисовке богачев чувствуется извечная народная насмешка над тунеядцами и обманщиками.

Спектакль поставленный режиссером Ш. Сарымсаковым, в лучших своих моментах верен авторской манере. Выточенные детали, обряды и обычаи, нигде они не выпирают, не становятся самоцелью. Есть здесь и цветистые шалы, и вышитые полотенца, но это не стилизация, не экзотика. Бесспорная заслуга режиссера прежде всего в том, что спектакль он развертывает как галерею образов, обрисованных иногда лаконично, иногда подробно, но почти всегда живых, полнокровных и — очень народных.

Своеобразный поэт своего ремесла, конокрад Миннигали с его упоением

СТАМБУЛ,

Путешествия в автомобиле от Анкары до Измира, уходящей вглубь страны во всем ее климатическом разнообразии. Асфальтовая дорога вьется между горных вершин, спускается в долины и снова поднимается в горы — перед нами суровый пейзаж Анатолии, пустынный и сумрачный. Здесь в неустанный труд закалялся характер народа, мужественный и стойкий.

Дорога сравнительно пустынная, изредка обгоняешь автобусы, направляющиеся в Бурсу и в Стамбул. Оживляют пейзаж только овечьи стада, охраняемые свирепыми овчарками. Ангорская шерсть — богатство Турции.

Мы сравнительно недалеко отехали от Анкары. В радости охотников, дорогу перебегают, распушив хвосты, лисички; одна даже остановилась и с любопытством поглядывала на машину. Предстояла еще одна неожиданность. В двухстах метрах от дороги пробежала дикая волка. Впервые пришлось увидеть этих хищников среди белого дня, и притом не в клетке зоологического сада, а на свободе.

Паредка на дороге можно увидеть грузовики с надписью крупными буквами: «Машала» — обращение к сылам небесным. Предполагается, что эта надпись спасет машину от аварий.

Из небольшого торгового города Эскишехры, мня горы, ущелья, мы выехали на превосходную автомобильную дорогу, позволяющую ехать со скоростью более ста километров. По широкой автомагистрали мчались тракторы с прицепами, перегруженными пассажирами, снова автобусы, грузовики, велосипеды и на обочинах люди, выкрикивавшие: «Газета!», «Газета!»

Не раз мы видели по пути, в тени мечети, в деревенских харчевнях, граммотеев, которые читали землякам вслух, иногда по складам, старые газетные новости. Политические события интересуют народ, который жадно тянется к культуре.

Много в здешнем крестьянском быту такого, что еще не изжито в Турции. Мы видели женщин, работающих на виноградниках, на полях, в оливковых рощах в то время, когда мужчины — их мужья, братья, отцы, — расположившись на сельской площади или в харчевне, покуривали кальяны и с любопытством разглядывали проезжающих. Главная рабочая сила в семье — женщина. Горьким юмором отзывает шутка, которую мне рассказали: муж едет на ослике, позади пешком бредет жена. «Будь едешь?» — спрашивает мужа прохожий. «Да вот веду жену в больницу». Передовые люди Турции осуждают эти древние, жестокие обычаи, но не легко изменить веками установивший быт. К тому же это стало привычным. Один видный журналист сказал мне, что, по его мнению, надо укреплять экономику, а лишь потом решать культурные задачи в духе гуманизма...

В середине дня мы прибыли в «Ешил Бурса» — «Зеленую Бурсу», как называют этот красивый, благословенный природой город. Весна чувствовалась в воздухе, хотя снег еще свирял на вершине Улудага, на радость стамбульским лыжникам. Бурса — центр текстильной, камвольной, шелковой промышленности. Здесь и торговый центр — крытый в восточном стиле базар, где бойко торгуют шальями, шарфами, ангорской пряжей местного производства.

Впрочем, торговое и промышленное значение Бурсы менее всего интересует экскурсантов и отдельных туристов. Бурса привлекает чудесным, ровным климатом, памятниками именно турецкого, а не византийского или древнегреческого искусства, которыми так богата Турция. Это и курорт, известный своими целебными источниками.

Образцы великолепной керамики с золотым тиснением в мозаике султанов, искусно выполненные цветные витражи, резьба по камню — вот чем славится памятник Бурсы, некогда столицей турецкого султана. Битарины, пятисотлетняя чинара, ствол которой едва ли смогут обхватить десять человек, фонтаны, напоминающие драгоценную игрушку, — вот что надолго запомнится путешественнику, посетившему этот город. Наконец поражают своими размерами древняя, особо почитаемая мечеть Уладжам. Интересно наблюдать, как древнее, насчитывающее более пяти веков существования, уживается в Турции с современной мечетью Уладжам радиопрозрачная, а на некоторых минаретах правоверных призывает к намазу записанный на пластинку голос муэдзина.

Здешний археолог, очень осведомленный в турецком искусстве и вместе с тем верующий человек, промывая со мной, дружелюбно и вполне серьезно сказал: «Я ждал бы встретиться с вами на том свете». Это означало большое расположение к гостю, хотя мы оба, разумеется, предпочли бы, чтобы эта встреча на том свете состоялась возможно позже.

После ночлега в Бурсе мы продолжили путь в Измир, слушаясь в Эгейскому морю. Горный пейзаж сменялся пыльным великолепием юга — зелеными оливковыми рощи, розовато-лиловым цветом расцветавших тюльпанов.

После ночлега в Бурсе мы продолжили путь в Измир, слушаясь в Эгейскому морю. Горный пейзаж сменялся пыльным великолепием юга — зелеными оливковыми рощи, розовато-лиловым цветом расцветавших тюльпанов.

После ночлега в Бурсе мы продолжили путь в Измир, слушаясь в Эгейскому морю. Горный пейзаж сменялся пыльным великолепием юга — зелеными оливковыми рощи, розовато-лиловым цветом расцветавших тюльпанов.

чиндал; то подступая к дороге, то отходя от нее, синело море. Чувствовалась близость большого города и порта, навстречу нам двигались колонны грузовых машин, груженных ящиками с надписями на английском языке. Кое-где в облаках пыли возникали силуэты верблюдов, семенящих стройными ногами ослики. Становилось жарко, закат не принес с собой прохлады, между тем календарь показывал только четырнадцатое марта. Временами дорога напоминала аллею, мы ехали в тени оливковых деревьев. Это поистине благоденственный край, край виноград, инжира, оливы. Здесь труд земледельца щедро вознаграждает природа, если только он владеет своей землей.

На склоне горы мы увидели селение сплошь из новых домиков. Это дома переселенцев, и новые домики резко отличались от крытых черепицей, приземистых хижин старой турецкой деревни. На юге все, что мы видели, резко контрастировало с суровыми пейзажами Анатолии. Чтобы оживить каменистую землю плоскогорья, дать водопользователям Анкаре, нужно построить мощные гидротехнические сооружения, нужны большие материальные затраты.

...Но вот мы свернули с прямой дороги в Измир, чтобы увидеть древний Пергам (Бергам), о котором сказал наш поэт: «Грудой пепла стал Пергам». Пергам — не гора пепла, а руины, возмущающие даже современника высотных зданий. Мы поднялись на гору, где две тысячи лет назад люди жили, трудились, строили гигантские амфитеатры, храмы, больницы.

Мы посетили Эскулапийон — древнюю лечебницу, где больного лечили ваннами, сном и развлечением и, видимо, лечили недурно, — об этом говорят сохранившиеся мраморные плиты с надписями благодарных пациентов. Античный театр на пять тысяч зрителей реставрирован, и редкая акустика позволяет слышать в последние ряды слово, произнесенное на сцене много лет назад. Здесь несколько лет назад для съехавшихся со всей Европы зрителей сыграли «Ромео и Джульетта».

АНКАРА,

Со скоростью сто двадцать километров в час мы помчались в Измир по недавно законченной, специально обслуживаемой туристами дороге. Вечером мы увидели огни измирского порта, пальмы набережной, флаги стран, входящих в НАТО, и самый региональный штаб НАТО.

Устроиться в гостинице было нелегко потому, что ожидали знатных гостей — офицеров шестого американского флота.

Вечером мы отправились в «Культурпарк», как известно, разбитый по плану нашего Центрального парка культуры и отдыха в добрые времена советско-турецкой дружбы. Богатая природа превратила парк в райский уголок, здесь пышно разрослись пальмы, мирты, лавровые деревья. Даже автомобили, разъезжающие по широкому аллеям «Культурпарка», не особенно досаждают гуляющим. В полночь в увеселительное заведение, в центре парка, стали съезжаться жажущие развлечения парочки, и тишину нарушила вой, визг и ляг джаза, почему-то называемый танцевальной музыкой.

В Измире нам довелось побеседовать с г-ном Хадымлы — губернатором Измира, рассказавшим о настоящем и будущем города и порта. Экспорт из Турции исчисляется в один миллион тонн, причем через измирский порт проходит 600 тысяч тонн. Порт Измира предполагается расширить так, чтобы одновременно можно было принимать 15 судов. Богатство этого края — инжир, изюм, хлопчат, оливковое масло, оливы, называемые у нас маслинами.

Губернатор принадлежит к тому поколению, которое только вступаю в жизнь в эпоху реформ Атаюрка. Он помнит еще экзамены в высшей школе, на которых присутствовал, а иногда и задавал вопросы экзаменуемому Атаюрку.

Тот, кому довелось бывать в Измире, разумеется, посетил здешний базар; он остался таким, каким я видел его 24 года назад: живописным, шумным, очень оживленным, со всеми разнообразными запахами кожи, пряностей и жарящегося на углях мяса. Правда, было нечто новое — реклама «туфли для рок-н-ролла» в обвальных магазинах, но нельзя сказать, чтобы это новшество порадовало нас.

Кстати, мы имели возможность видеть фильм «Рок-н-ролл», где снимались выдающиеся исполнители этого танца. Контрабасист играл почему-то лежа на спине, поддерживая свой инструмент ногами, а саксофонист дул в свою трубу, стоя на голове. Говорят, «продюсер», поставивший этот фильм, сделал на нем состояние. После этого ультрасовременного фильма отрядом было отправиться за город, за сорок километров, осматривать то, что сохранилось от Эфеса, который был центром культуры в древности. В этом месте Перестрат ради того, чтобы прославить свое имя, сжег храм Дианы Эфесской —

одно из чудес света. Это ему, как известно, уалося, хотя еще больше вреда, чем Перестрат, причинило Эфесу землетрясение. Археологические раскопки в Эфесе продолжаются и сейчас. Знаменитая, отряпая из-под земли мраморная улица продолжения, можно увидеть открытые для обозрения — бани, руины храмов, статуи, которые еще 24 года назад были скрыты под землей. Мы видим пока только десятую часть города, девять десятых еще скрыто под поросшими диким кустарником холмами.

Из Эфеса мы отправились в клуб журналистов Измирской провинции; клуб помещался на набережной Измира, — это один из красивейших уголков города. Измирская набережная была в развалинах четверть века назад, да и весь город был частично разрушен во время оккупации Измира. Сейчас нет и следа этих разрушений.

В уютном клубе журналистов, в гостинице, откуда из оном открывался вид на сверкающий под солнцем Измирский залив, происходила беседа с журналистами во главе с председателем клуба, редактором выходившей в Измире газеты «Ени Асар». Беседовали мы очень непринужденно, вспоминали былые, людей, которых я знал и которые не дожили до этого дня. Вспоминалась поездка с покойным директором музея Измира г-ном Слахеттин беём в горы к горцам Зейбекам. Вспомнил прошлое, заговорили о сегодняшнем дне. Здесь я снова услышал пожелания, чтобы по-старому установились старые добрые отношения между Советской страной и Турцией.

Когда зашел разговор о тревожном для каждого честного человека напряжении в международных отношениях, автор этих заметок, между прочим, сказал, что он пережил три войны и убежден в том, что мир в тысячу, в сто тысяч раз лучше войны. Эти слова были начтаны в заголовке отчета измирских газет о встрече с советским писателем. Видно, этим словам придали особое значение потому, что наши не другие стараются убедить в том, будто опасность новой войны исходит не от тех, кто создает военные союзы и блоки, а от стран социализма и мирного труда.

В тот же день мне предстояло покинуть гостеприимный город. Визитная карточка моего пребывания в Турции. Где я ни бывал на протяжении тридцати трех дней моего путешествия по этой стране — в Стамбуле, в Анкаре, в Бурсе, в Измире, на дорогах Анатолии и на берегах Эгейского моря, — везде я встречал радушие и гостеприимство.

Нам охотно указывали дорогу, помогали в пути. Эта доброжелательность людей разной среды, разных классов населения может только радовать. Турецкий народ, народ-труженник, заслуживает хорошей, безбедной жизни. Между тем даже турецкая печать пишет о том, что до сих пор главной пищей для крестьян служит луковичка, кусок хлеба, несколько маслин, помидоры, что жизнь чрезмерно дорожает и не хватает предметов первой необходимости.

И потому, думается, правы те турки, которые утверждают, что надо идти по пути реформ. Перечитывая историю Турции, беседа с учеными, с журналистами, с историками, слышав, с каким уважением и благодарностью они говорят о деятелях Танзимата, о тех немногих султанах, которые оставили по себе память своей реформаторской деятельностью. Недаром один из интереснейших музеев Стамбула — это музей Танзимата, музей, в котором отражена деятельность реформаторов.

Глубокое впечатление в Турции произ-

ИЗМИР

вело перенесение праха «мученика свободы», жертвы реакционеров-фанатиков — Мидхата-пашы, в Стамбул.

В Чанкара, в доме Атаюрка, в Анкаре, этот замечательный государственный деятель, уничтоживший султанат и халифат, провозгласивший Турцию республикой, хранил серебряную статуэтку султана Селима, который стремился сделать добро народу и пал жертвой дворовых интриг.

Никогда не изгладится из памяти народа деятельность великого реформатора, борца за независимость турецкого государства, отца турок — Атаюрка.

Он как зеницу ока берег независимость своей родины. Когда же выдвинул на рейде Измира военные суда под чужим флагом, когда выдвинул на набережной Измира флаги стран — участниц военного Североатлантического союза, невольно вспоминаешь древнюю латинскую мудрость, изречение римского историка Тита Ливия: «Sub umbra foederis aequi servitutum pati possunt» («под видом равноправного союза можно поощать в рабство»).

Верится, что этого не случится, и никто третий не помешает возродиться старой дружбе, которая возникла 37 лет назад, в годы суровых испытаний, в годы борьбы за независимость турецкого государства.

События в Иордании еще раз обновили перед всем миром хищный облик американского империализма. Закоеанские колонизаторы пытаются поработить арабские страны, захватить их сырьевые богатства и превратить их в плацдарм для агрессии против социалистических стран. Для этого они стремятся в первую очередь задушить национально-освободительное движение народов стран Ближнего и Среднего Востока. С этой целью была выдвинута агрессивная «доктрина Эйзенхауэра». В качестве ее пропагандиста на Восток был командирован специальный представитель президента США — Ричардс. «Тень американского представителя» — так называется карикатура художника Гунана из египетской газеты «Аль-Шабаб» (рисунок слева). В руках у Ричардса палка с текстом «доктрина». Но как бы старательно закоеанский посланец ни «изображал» свою невинность, сущность рекламируемой им «доктрины» ясна — след за Ричардсом двигалась черная тень угроз, провокаций и военного вмешательства США в дела средне-восточных стран.

Первой жертвой «доктрины Эйзенхауэра» стал свободолюбивый народ Иордании. Американский художник Берк из газеты «Чикаго сан-таймс» (рисунок справа) изобразил США в роли жандарма на Ближнем и Среднем Востоке. Рисунок называется «Стража на Иордане». Берк следовал линии официальной пропаганды, согласно которой Соединенные Штаты будто бы призваны охранять средне-восточные страны от выдуманной «коммунистической опасности». Но хотел того художник или нет, его рисунок говорит о другом. Годы Сам в военной форме, размахивающий атомной дубинкой и попирающий ногами чужую арабскую землю, куда его никто не звал, — это ли лучший символ самого страшного колониализма нашего времени — колониализма Соединенных Штатов!

ПРИЗЫВ ДЕЯТЕЛЕЙ ФРАНЦУЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В майском номере парижского журнала «Франс-ЮРСС» («Франция — СССР») внимание читателей привлекает большая подборка высказываний крупнейших деятелей французского искусства, призывающих к укреплению и развитию франко-советских культурных связей. Здесь выступают и те, кто уже внес большой личный вклад в это благородное и жизненно важное для обоих народов дело, и те, кто надеется его внести в ближайшем будущем. Подборку открывает небольшое выступление писанное Жоржем Юксманом, государственным секретарем, генеральным почетным директором Изящных Искусств. Жорж Юксман пишет: «Важное и глубокое знание литературы и искусства, несмотря на все трудности, приведет народы к тому, что они будут хорошо понимать и любить друг друга. В укреплении франко-советской дружбы, необходимой для поддержания мира во всем мире, литературные и художественные связи становятся с каждым днем все более важными».

По-разному, каждый со своей личной точки зрения, развивают и дополняют эту мысль выступившие на страницах журнала композитор Жорж Орик, директор «Театра де л'Ателье» Андре Барсак, прима-балерины театра «Опера» Лисетт Дарсонваль, администратор «Комеди Франсез» Пьер Декас, пианист Самсон-Франсуа и директор Национального Народного театра Жан Виллар.

Приведем некоторые выдержки из их высказываний. Жорж Орик. Несомненно, что все уже сделанное — всего лишь начало и мы не должны пренебречь ни одной возможностью, предоставленной нам сегодня.

Андре Барсак. Я хотел бы в ближайшее время поехать в Москву, чтобы изучить на месте с руководителями советского театра возможности гастролей «Театра де л'Ателье» в СССР. Этот проект существует уже несколько лет, его выполнение позволило бы советским зрителям ближе познакомиться не только с нашими классическими произведениями, но и с наиболее значи-

Жорж Орик

Андре Барсак

Лисетт Дарсонваль

Пьер Декас

тельными пьесами французского современного театра.

Лисетт Дарсонваль. Всем сердцем я желаю, чтобы балет Большого театра Москвы и Ленинграда приехал в Париж, и я надеюсь, что вскоре мне представится возможность обогатить мой опыт в СССР, куда в 1939 году мне помешала приехать война.

Пьер Декас. После наших гастролей в СССР мы были в Канаде, затем в США; сейчас нам предстоит большое турне по Китаю и Японии. В этих условиях новая поездка в СССР с достаточным циклом спектаклей может быть серьезно рассмотрена только спустя два театральных сезона.

Но зато вполне возможно и желательно продолжать обмен идеями и техническими достижениями. Такой обмен мог бы плодотворно происходить при взаимных личных посещениях небольших групп из постановщиков, техников, артистов и т. д. Обмен мнениями мог бы касаться здесь профессиональной жизни театра и его будущего, всего, связанного с улучшением и обогащением литературных и драматических форм.

Самсон-Франсуа. Для меня было большой радостью, когда весной 1956 года мне выпала честь поддержать в Советском Союзе традиции наших культурных и музыкальных связей, уже столь близкие в последние годы. Я не забуду приема, оказанного мне горячей и востор-

Самсон-Франсуа

Жан Виллар

женной публикой, я не забуду изумительного мастерства дирижеров Мравинского, во главе Ленинградского симфонического оркестра, и Аносова, руководителя оркестра Московского радио.

Жан Виллар. Мы по-разному понимаем роль и значение театра, но у нас всегда было общее желание знать, что делается в этой области и в той, и в другой стране. Эта потребность была постоянной, поддерживаемой, и во времена фашизма, и в советскую эпоху. Поэтому было бы весьма прискорбно, если бы по политическим или идеологическим причинам обмен между нами прекратился. В интересах общности нам надо работать вместе, создавая формы искусства, свойственные современному миру.

КУРС СКРИПАЧЕЙ

В Познани в конце этого года состоится III Международный конкурс скрипачей имени Гериха Венявского, в котором примет участие молодой исполнитель, а также скрипичный мастер. Он будет преподавать по двум секциям исполнителем с о мастерства и качества представляемых на конкурс скрипок. Эта особенность конкурса как бы подчеркивает характер творчества выдающегося композитора и скрипки Гериха Венявского, который был не только блестящим виртуозом, но и тонким знатоком скрипки.

Жюри конкурса составят наиболее известные польские зарубежные скрипачи. По окончании конкурса в Варшаве состоится концерт его лауреатов, а в Познани — выставка премированных инструментов.

На снимке: обложка книги «Албания рассказывает».

Премия Майклу Уилсону

В Голливуде состоялась вручение премии «Оскар», присуждаемых ежегодно американской Академией кинематографии.

Многие кинокритики ожидали, что премия за лучший сценарий получит автор фильма «Дружеское ущемление». Однако фильм оказался «без автора». Дело в том, что картина создана известным сценаристом Майклом Уилсоном. В свое время вместе с другими голливудскими режиссерами и сценаристами он был занесен в «черный список» за свои прогрессивные взгляды. Несколько лет назад по его сценарию был снят с помощью профсоюзно широко известный фильм «Соль земли». И вот Голливуд выпустил его новую картину, не указав в титрах имени автора.

Голливудская газета «Деили взорейт» писала не так давно: «Ходят слухи, что Уилсон может набрать определенное количество голосов для получения премии «Оскар» за лучший киносценарий». Чтобы этого не случилось, руководители Академии кинематографии пошли на следующий трюк: за месяц до вручения премии было принято положение, согласно которому всякий, кто не отвечал на вопросы комиссии по расследованиям конгресса, ссылаясь на платную поправку к конституции, не имеет права на получение премии «Оскар». Путь к премии для Уилсона был совершенно закрыт.

Недавно в Лос-Анджелесе состоялось собрание отделения сценаристов писательской гильдии Америки, на котором присутствовало более тысячи человек. Вопреки решению Академии кинематографии собравшиеся единодушно решили присудить премию Уилсону за «лучший сценарий 1956 года».

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО ЗА РУБЕЖОМ

«АЛБАНИЯ РАССКАЗЫВАЕТ»

Институт истории стран народной демократии в Лейпциге совместно с Берлинским научным издательством выпускает интересную серию книг — антологий, посвященных литературе стран народной демократии.

Сельская книга серии носит название «Албания рассказывает». Она содержит вольную статью составителя профессора М. Ламберта об истории албанской литературы, ее ярко патристическом характере, происхождении албанского языка и своеобразии национальной культуры этой страны. В статье содержатся сведения о состоянии науки и искусства в новой Албании, о культурной революции. Первая часть антологии содержит народные предания, саги, сказки, исторические материалы о быте, нравах и обычаях албанцев, рассказы о Скандербеге.

Во второй части приводятся отрывки из поэтических произведений классиков албанской литературы XIX века. Здесь же помещены рассказы писателя-демократа первой половины XX века Мильены. Последняя, самая значительная часть книги посвящена литературе Албании наших дней. Читатель знакомится в хороших переводах со стихами Д. Шутеричи, З. Сани, Лазара Силяки, Шевича Мусары, рассказами Алекса Чачи, «Стерно Спасе», Фатмира Дьяты, отрывками из пьес Коль Якова.

На снимке: обложка книги «Албания рассказывает».

Статьи Казимежа Выки

Краковское издательство «Выдавництво литературне» выпустило в свет двухтомник литературно-критических работ и статей об искусстве известного польского литературоведа Казимежа Выки, автора ряда исследований по современной и классической литературе Польши. В двухтомник входят работы, написанные автором в последние годы. Первый том относится к польской литературе. Здесь же читатель находит статьи о творчестве классиков польской литературы — О Юлиане Словацком, «Стефан Жеромский», «О Сенкевиче», «Основные этапы творчества Жеромского» и другие. Второй том, кроме литературных статей Казимежа Выки, содержит также статьи о живописи и театре. Среди них и рецензии на отдельные наиболее примечательные постановки польских театров — «Слушая «Сидла», «Слушая «Отелло». Большое место в двухтомнике занимают работы по современной литературе Польши.

Швей на сцене и в кино

Многие зарубежные почитатели таланта выдающегося чехословацкого писателя Ярослава Гаека впервые познакомились с его героем Швейком на не страницах романа, а на сцене или киноэкране.

Вскоре после выхода «Походный бригады солдата Швейка» в одном из пражских театров была постав-

Гаека и за рубежом Чехословакии — в Германии, Польше. Многогранный образ солдата Швейка привлек к себе внимание и кинематографов. Кроме Чехословакии, фильмом о Швейке были созданы в Австрии и Англии. В прошлом году чехословацкий режиссер Карел Стекляк приступил к работе над новой кинокартиной по роману Ярослава Гаека. Сейчас им ведется работа над второй частью фильма «Бравый солдат Швейк». На снимке: артист Рудольф Грушицкий в роли Швейка.

Отметим и недостатки романа, критик пишет в заключение «Показатель действительности такой, какая она есть, честно признавая, что не знает, какой она должна быть. Кеппен тем не менее создает произведение, обладающее большой силой художественного воздействия... Он заставляет читателя отбросить отчет в сложившейся ситуации, предупреждает от чудовищных, атактистических тенденций».

В. С. Узин

Скончался Владимир Самойлович Узин — член Союза писателей, кандидат филологических наук, один из крупнейших знатоков классической испанской литературы.

Родившись в 1877 году в бедной семье, В. С. Узин рано начал трудовую жизнь. В годы советской власти, посвятив себя литературной работе, он получил возможность углубленно заняться давно привлекавшими его проблемами творчества таких испанских писателей, как Сервантес, Лопе де Вега, Кальдерон. Особенно интересны его работы о «Дон Кихоте», над истолкованием которого он трудился на протяжении десятилетий, неизменно подчеркивая дух гуманизма и свободологии в бесмертном творении Сервантеса. В. С. Узин был состави-

телем и редактором раздела, посвященного испанской литературе XII—XVIII вв., в «Антология испанской литературы», изданной в 1938 г. и получившей широкое признание в прогрессивных литературных кругах стран Латинской Америки. Эта книга является ценным пособием для изучающих испанскую литературу.

В. С. Узин занимался также вопросами шекарповедения. Он известен и как автор ряда переводов произведений испанской драматургии.

В. С. Узин был человеком огромного трудолюбия, больших знаний, редкой скромности, отзывчивым товарищем. Таким он и останется в памяти всех, знавших его.

Группа товарищей.

Правление Союза писателей СССР и президиум Московского отделения Союза писателей с глубоким прискорбием извещают о смерти старшего члена Союза писателей

Соломона Яковлевича ШТРАЙХА

и выражают соболезнование семье покойного.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ДРУЗИН (зам. главного редактора), П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.

Жандарм на Ближнем Востоке

Американский художник Берк из газеты «Чикаго сан-таймс» изобразил США в роли жандарма на Ближнем и Среднем Востоке. Рисунок называется «Стража на Иордане». Берк следовал линии официальной пропаганды, согласно которой Соединенные Штаты будто бы призваны охранять средне-восточные страны от выдуманной «коммунистической опасности». Но хотел того художник или нет, его рисунок говорит о другом. Годы Сам в военной форме, размахивающий атомной дубинкой и попирающий ногами чужую арабскую землю, куда его никто не звал, — это ли лучший символ самого страшного колониализма нашего времени — колониализма Соединенных Штатов!

